

Взрослые и дети. #Многобукв

Автор:

[Людмила Петрановская](#)

Взрослые и дети. #Многобукв

Людмила Владимировна Петрановская

Людмила Петрановская: психология и публицистика

Людмила Петрановская – известный психолог, лауреат премии президента РФ в области образования, автор бестселлеров «Тайная опора», «Если с ребенком трудно», «Что делать, если...», и «Что делать, если...2». Благодаря своей практической значимости книги Людмилы Петрановской стали абсолютными хитами среди научно-популярной литературы по воспитанию детей.

В данной книге собраны тексты разных лет из блога Людмилы. В нем она размышляла о детях и взрослых, отвечала на вопросы родителей, рассказывала о проблеме сиротства и защите прав детей.

Какие возрастные задачи решаются в разные периоды детства, как говорить с детьми о тяжелых вещах, какие слова могут поддержать ребенка, как влияет на нашу жизнь детский опыт, как реагировать на травлю и что в этом случае можно сделать, почему ребенку важно расти в семье и с какими сложностями сталкиваются приемные родители.

Эти и многие другие темы звучат в книге очень лично, в жанре разговора с читателем.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Людмила Петрановская

© Л. В. Петрановская, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

Если честно, когда мне предложили сделать книгу на основе постов из моего блога в Живом Журнале, у меня было очень много сомнений. Тексты десятилетней давности, написанные быстро, в пылу очередного холивара, – кому они могут быть интересны? В половине случаев я даже не сразу могу вспомнить, что там был за контекст, на что я откликнулась?

Но издательство хотело попробовать, была сделана первая подборка, я начала читать – и захватила ностальгия.

ЖЖ – моя первая любовь в сетевом мире, незабываемая, неповторимая. Часть моей души.

Я начинала вести блог из прагматических соображений – так было быстрее и проще общаться с коллегами из разных мест. Планировалась дискуссионная площадка по вопросам сиротства и приемности на несколько десятков человек. Я никогда не планировала «развивать блог», «продвигаться в Интернете», «предъявляться» и все вот это вот, чем сейчас занят, кажется, любой и всякий обитатель Сети. Кажется, я последняя узнала, что стала «тысячником» и вообще, что можно где-то смотреть эту статистику. Техническая часть никогда не была моей сильной стороной. Сколько нервов стоило освоить кат и вставку фото. ?

Мы просто общались с друзьями, коллегами, а иногда я писала какие-то мысли. О детях, о родителях, о семейном устройстве, о психологии, об обществе. На эти тексты приходили люди, писали в ответ интересное. Спорили, соглашались.

Постепенно за никами и аватарами проступали личности, я узнавала, кто откуда, чем занимается, чем увлечен, что про что думает, какие у него дети и какой песик/котик, какой вид из окна и какой фильм он терпеть не может.

Это было каким-то невероятным новым миром, в котором жизнь шла параллельно обычной реальности, а иногда они сталкивались и смешивались. Раз – и ты уже в гостях у «человека из ЖЖ», в другой стране. Два – и вы уже с кем-то из френдов вместе работаете и у вас НКО. Три – и тебя зовут провести семинар в другой город, потому что «все вас читают и ждут».

Только задним числом понимаешь, насколько ЖЖ был прекрасной площадкой для обсуждений: виртуальным гайд-парком, салоном, городской площадью, перепиской, лабораторией – чем только он не был! Возможность лонгридов, неограниченных ничем, кроме терпения читателя. Удобная система комментариев, которые располагались ветками и легко находились. Полностью тобой контролируемая лента друзей, которая, будучи толково собранной, заменяла все вообще СМИ – ничего больше не надо было, точно ни одна важная новость или интересный текст мимо тебя не пройдет. Я даже еще помню времена без рекламы...

ЖЖ на несколько лет стал для меня «дубльдумом» из книжек про Гарри Поттера – иногда невозможно было работать, пока не «выльешь» в блог какие-то мысли и переживания.

После некоторых постов у меня возникало чувство, что я оказалась в роли ведущего группы – столько чувств плескалось, так полыхала групповая динамика. Люди с разных континентов делились мыслями, болью, радостью, плакали, гневались, обдумывали сложные вопросы, шутили. Я читала каждый – абсолютно каждый – комментарий, чувствовала свою ответственность за безопасность людей, которые открывались, внимательно следила за правилами, не оставляла ни один бурный спор без модерирования. Это требовало много сил и времени, но того стоило – многие ветки комментов сами по себе были очень содержательными, блестящими по форме произведениями полемического жанра. А приступы сотворчества в ночи, когда все вдруг начинали сочинять смешные стихи или азартно спорить, почему Татьяна отказала Онегину и козел ли мистер Рочестер или сойдет, – как в компании старых друзей за столом, при этом за тысячи километров друг от друга.

Потом случился 2014 год и все это было выжжено ужасом и горем, и стыдом, и разочарованием во многих, кто казался близким. И вытоптано ордами ботов и троллей. А сверху накрыто толстым слоем пепла истощения.

На несколько лет я ушла из соцсетей совсем, не могла просто. Пару лет назад освоила новые, но все это на гораздо большей дистанции.

И вот сейчас перечитываю эти тексты... Многое кажется наивным, многое очень резким. Слишком вольный стиль, слишком широкие обобщения. Где-то я совсем не помню, о чем речь – явно с кем-то спорю, но с кем и о чем? Какие-то кейсы про детей вспоминаются мгновенно, ярко и во всех подробностях. Все эти дети уже выросли и, надеюсь, с ними все хорошо. Что-то из того, что возмущало, стало за эти годы явно лучше. А где-то думаешь: эх, а ведь это были еще цветочки...

Конечно, изменились какие-то мои мнения, оценки, формулировки.

Но не ценности.

Поэтому я решилась все-таки выпустить эту книгу – в память о важной части нашей жизни. Об огромной виртуальной площадке, на которой жила и развивалась общественная мысль целой страны, изгнанная со страниц печатных СМИ и экранов – но полная сил и страсти. Он был очень живой, этот Живой Журнал.

Как отбирались эти тексты?

Объем оказался довольно большим, поэтому я разделила их на две условные большие части: «профессиональное» и «гражданское». Конечно, разделение символическое, про процессы в обществе я тоже пишу как психолог обычно.

В эту – первую – книгу вошло «профессиональное».

Здесь четыре главы, и это четыре мои профессиональные страсти:

- детско-родительские отношения;

- сиротство и приемность;
- группа и процессы в ней;
- травма и передача травмы в поколениях.

Все это темы, которые всегда вызывали у меня жгучий интерес, которыми я занималась как психолог и как представитель третьего сектора.

Пятая страсть – социатрия, изучение общества через оптику психологии, она же – «гражданская». Про нее будет отдельная книга, потому что текстов там много, включая статьи.

Конечно, я брала не все тексты, а только те, что мне самой было сейчас интересно перечитать. Сокращала что-то, сиюминутное и уже непонятное. Правила очень мало, только если что-то явно мешало воспринимать текст. Иногда в скобках курсивом – комментарии от меня сегодняшней, только там, где это совершенно необходимо. В остальном – противоречий очень много, но их исправить не хочу (С) – как написалось тогда, так и есть.

По уму, конечно, стоило бы включить еще очень многие потрясающе ценные и интересные комментарии от читателей – но как это сделать на плоской бумаге?

Спасибо всем, кто был со мной там.

И тем, кто остался с тех пор в моей жизни.

И всем, кого больше нет на свете, но там – в наших жарких спорах, в словах поддержки в трудную минуту, в веселом вербальном хулиганстве, в искренней радости детям, встречам, успехам друг друга – они все еще живы.

Глава 1

Дети и родители

Про возраст, время и подснежники

20 марта 2010 г.

Одна из самых вредоносных формул в воспитании звучит так: «Если ребенка сразу (не) приучишь, то так будет всегда». Не нужно приучать к рукам. Нужно сразу приучать к аккуратности. Не нужно приучать спать с мамой. Нужно сразу приучать оформлять письменные работы правильно. И т. ?д., и т. ?п.

Такой подход подразумевает взгляд на ребенка как на банку с крышкой, куда что засунешь, так оно там и останется. При всей очевидной вроде бы абсурдности этот взгляд обладает прямо-таки магнетическим действием, буквально гипнотизируя взрослых. «Ну как же так? Так и оставить? Но ведь тогда он будет ВСЕГДА (сосать палец, рыдать в магазине игрушек, забывать сделать уроки, играть в компьютер, любить Диму Бирана – нужное подчеркнуть)! Нужно же что-то делать!» А-а-а, мы все умрем!

Я обычно говорю: «Слушайте, это вообще интересный ход мысли. Предлагаю не переводить ребенка за руку через дорогу. Надо сразу приучать! А то что же, так и будет всегда только с нами ходить?». Замешательство. «Нет, так нельзя, это другое». Чем другое, а? Вот ребенок боится спать один. Ну, мы-то, конечно, знаем, что скелет под кроватью, которого он боится, – нереален, в отличие от машин на дорогах. Но для него-то реален! Гораздо более чем, потому что скелет, такой страшный, он почти прямо видит, и почти прямо слышит, как тот скребет своими костями об пол. А машина – чего ее бояться? Едет и едет. Яркая, красивая.

Как, интересно, дети объясняют себе, почему от одних опасностей взрослые готовы их оберегать, и даже с чрезмерным рвением, а другим спокойно отдают на растерзание, да еще и стыдят, что ты боишься? Какая у них на эту тему версия в голове? Хотелось бы узнать.

Или вот начальная школа. Ну зачем в первом классе уделяется столько внимания оформлению? «Чтобы сразу приучить, а то...» ОК, давайте приучим сразу интегралы решать? Почему-то мысль о том, что семилетний ребенок не может решать интегралы, очевидна. А мысль о том, что он не может, просто в силу возрастных особенностей, упомянуть все эти алгоритмы: четыре клеточки сюда, а если на последней строке, то не начинаем, а если не поместилось, то вот так. И все это надо делать одновременно с собственно письмом и думаньем!

Такой чудесный возраст – с семи до десяти! Такой творческий, богатый, такой страстный интерес к тому, как устроен мир, такая способность к неожиданным обобщениям, ассоциациям, такая синтетичность восприятия любого предмета! Видеть мир не как набор научных дисциплин, а весь, как живой единый организм, думать о бабочках, о звездах, о составе грязи под ногтями, об ураганах, о викингах, об атомах, о том, почему люди смеются, – с интервалом в пять секунд, а то и вовсе одновременно. Не просто думать – чувствовать про это, пропускать через всего себя.

Эти невероятные упорство и самоотдача в занятии тем, что интересно! Часами, с упоением, забыв обо всем, футбол ли это, конструктор, рисование, фантазирование – у кого что! Придумываются игры, рождаются свои Швамбрании и Терабитии, все эти клады, тайны, шифры. Стремительное развитие всех мыслительных функций, как цветок в ускоренной съемке разворачивается из бутона. Растет (должна расти, по крайней мере) уверенность в себе, самостоятельность, способность действовать в неожиданных, меняющихся обстоятельствах. Тяга к приключениям, к новому опыту. Зарождение дружбы, уже не детской, а настоящей, которая может быть на всю жизнь.

Идеальный мир ребенка этого возраста показан в мультиках «Земля до начала времен». Своя компания друзей, свобода, настоящие приключения, но где-то рядом есть мудрые и сильные взрослые, которые, если что, придут на помощь, а вечером уложат спать. И больше от них ничего не нужно.

А теперь подумаем, на что тратятся эти годы. Четыре клеточки вниз, две строки пропустить. О чем ты думаешь, Петров? Ты опять витаешь в облаках на уроке? ЧЕТЫРЕ клеточки, что тут непонятно? Еще раз, закрепляем. Повторим. Перепиши два раза. Напиши три строчки этого слова. Не шепчитесь. Не разговаривайте. На перемене не бегайте.

Почему у тебя такой бардак в портфеле? Неужели трудно аккуратно заполнить дневник? Хватит играть, нам некогда, пора на английский. Мы не можем позвать в гости Владика, ты не успеешь позаниматься музыкой. Ты не пойдешь гулять, пока не будут сделаны уроки.

Все поперек задач возраста, все вопреки природе ребенка.

Учебники. Тоска смертная. Кто подбирает эти тексты? Кто закладывает эти бесконечные тошнотворные петли повторений пройденного, так что у ребенка создается стойкое впечатление, что отходил четверть и ничего нового не узнал?

Нормативы оценок: диктант без одной ошибки, но неаккуратно и с исправлениями. Трояк. Мораль для ребенка: содержание – ничто, форма – все. Главное, чтобы смотрелось, суть не так важна. Еще одна мораль: ошибка фатальна. Заметил и исправил – это тебя не спасет. Потом удивляемся, откуда неврозы и склонность опускать руки при первой же неудаче...

Программа: разделение на предметы, на темы, на блоки. Все раздроблено, один урок закончен, другой начат, одна тема, потом другая, связи никакой. Ребенок приходит в конце первого класса со слезами: «Задача не получается!» Проверяю – все верно: на одной полке 9 книг, на другой 15, ответ 24. Ребенок, уже в голос рыдая: «Ответ не может быть 24, потому что – внимание! – мы еще не выходим за пределы двух десятков! Я неправильно решила, пойду еще думать». Убиться об стену. Час отчаянных усилий на то, чтобы ребенок все-таки сделал вывод, что верить надо себе, своему разуму, а не непонятным рамкам, которые сами же составители учебника по невнимательности нарушили. А если бы не пришла?

Слушайте, я честно не понимаю, зачем это? Зачем вытапывать все, что в это время бурно растет, и старательно возделывать то, что расти еще не должно и не может? Как в известной сказке про дуру-принцессу, возжелавшую подснежников в декабре и испортившую всем праздник, и без подснежников обещавший быть веселым.

Почему нельзя просто подождать?

Вот 10–11 лет. Синтетичность мышления уступает место аналитичности. Просыпается страсть к коллекционированию, систематизации, классификации, наведению порядка, интерес к деталям, внимание не к связям, а к различиям и

противопоставлениям. Так давайте! Вот сейчас давайте и объясним про четыре клеточки и про аккуратное ведение дневника – пойдет как по маслу. Раз, два – и все всё поняли. И отвращения еще не получили к самому процессу, с удовольствием, с азартом – кто лучше победит хаос и создаст порядок? Теперь это соответствует возрасту, этого просит душа, это будет в самый раз! Зачем тратить на это часы и нервы, когда это не в масть, не вовремя, некстати? Зачем ломиться в дверь, которая еще закрыта и которая сама в свое время обязательно откроется?

Это ведь все вроде описано в возрастной психологии и даже в педвузах изучается. Ну, или, по крайней мере, видно просто при наблюдении за детьми, при работе с ними. Конечно, конкретные дети могут быть со своими особенностями, но общие тенденции все равно в этом примерно русле.

Почему особенности возраста игнорируются? Мне кажется, причина – как раз вот этот страх: «Если сразу (не) приучишь, то...». Восприятие ребенка как неживого, несубъектного, неразвивающегося, не стремящегося к лучшему и большему. Маниакальная уверенность взрослых, что детей именно они воспитывают и формируют, и надо все предусмотреть, заложить хорошее, заблаговременно пресечь плохое. В результате ребенок, к которому относились как к объекту применения воспитательных усилий, к подростковому возрасту нередко и становится объектом, почти неодушевленным предметом, который «ничего не хочет». Лежит на диване и щелкает пультом. Это бывает у детей, выросших в казенном доме, которым все время указывали, что им делать и когда, и, как ни странно, у детей тех родителей, которые «посвятили им жизнь» и всегда «знали, как надо». Потому что все, чего ребенок когда-либо хотел, было «не то и не так», а все, чего, по мнению взрослых, ему следовало хотеть (и иногда он даже делал вид), ничего не давало его уму и сердцу, это ведь они хотели, а не он. Ну, и отхотели все. И самих взрослых все это делает глубоко несчастными, они убиваются из-за двоек и троек, из-за неаккуратного дневника, а потом – из-за того, что «ему ничего не интересно», и «он не желает ходить в школу».

22 марта 2010 г.

Честно говоря, не ожидала такой бурной реакции на пост про потребности возраста, точнее, реакция была на часть про школу. Ну и наболело у народа!

Впрочем, у меня тоже.

Многие спрашивают – а что делать-то? Кто-то растерянно, а кто-то (учителя в основном) и агрессивно. Приводят аргументы – проверки, планы и т. д. Кто-то разводит руками и говорит – ничего невозможно сделать. Кто-то кроет школу как таковую последними словами. Кто-то пишет, мол, учителя все уроды.

Думаю, нет простого ответа на вопрос: «что делать?»

По-другому возможно, это я точно знаю, и видела много раз учителей, которые по-другому умеют. Все очень по-разному, но никто и не говорил, что есть один правильный вариант. Просто дети у них не гаснут, а расцветают, и навыками владеют не хуже прочих, потому что навыки были отработаны не как самоцель, а в процессе осмысленной и интересной деятельности. Навык – это же средство. Представьте себе, что дети учились бы прыгать, не играя в классики и «три-пятнадцать», а так, как в школе учат счету: прыгни десять раз вперед на шаг. Так. Повтори. Нет, на одной ножке не прыгай, это в следующей четверти. Дома – еще пять раз, и чтобы точно так же!

Есть учителя, которые умеют иначе, есть. Одна проблема. Из всех, кого я знаю (а я много знаю), в школе до сих пор работают единицы. Из этих единиц кто-то вернулся в школу после долгого перерыва со словами «насколько меня хватит». Потому что к детям очень тянет. И зарплаты сейчас вроде ничего, в Москве, по крайней мере. Но вся эта система отчетов, планов, проверок, журналов убивает. В 1990-х годах на время поотпустило, сейчас все закручено по новой.

Понимаете, дети очень терпимы. Они многое-многое готовы понять и простить. Кроме одного – безжизненности, скуки, равнодушия.

Например, у моего старшего учительница была жутко темпераментная. Просто караул. Она орала все время, вспыхивала, как порох, носилась по классу, могла наказать, не разобравшись. Но дети ее любили, потому что ей было страстно интересно с ними. Она устраивала дискуссии по задачкам из Петерсон, она сама прыгала до потолка, когда они решали что-нибудь особо трудное, она побуждала их думать, говорить, спорить. И ей все прощали. Хотя на почерке она тоже была повернута просто. У нас до сих пор дома ходит патетическое выражение: «Где твой наклон?!» Просто она это так страстно писала, что, казалось, бумага дымится под строчкой.

Очень мало людей, которые, сохранив интерес к жизни, способны стоически выносить бюрократию и формализм. Это истощает хуже любой работы на две ставки.

И еще: если в сегодняшней школе ты один такой, готовый пойти за детьми и их потребностями, ты обречен на провал. Потому что дети приходят к тебе с других уроков, где они были подавлены и загнаны в жесткие рамки. И попав в другую среду, они сначала вырываются, «как швепс из бутылки» (это сами дети мне такое сравнение как-то привели, извиняясь за свое поведение). И просто не могут ничего делать, пока не сбросят напряжение. А там и пол-урока прошло. Ведь в этих условиях дети и в самом деле становятся неадекватными, неуправляемыми.

Помню свое впечатление: пришла я как-то в Столичную гимназию, к знакомой учительнице. Пришла на перемене. Сначала чувствую – что-то не то. Необычно как-то. Потом осознала – дети не орут. Играют, болтают, яблоки грызут, но как-то спокойно. Передо мной столпился класс, седьмой примерно, обычно самые неуправляемые. Идет педагог, ей пройти надо, а они стоят. Она, не повышая голоса, легко: «Ребята, дайте-ка», – они мгновенно расступились. В школе! На перемене! Не пришлось ни гаркать, ни металл в голос добавлять, они услышали СРАЗУ! Кто знает, тот поймет, о чем я.

Потом я побывала на уроке, мне стало все ясно. Дети на уроке общаются между собой, встают, свободно дискутируют с учителем, такой ровный гул стоит. Учитель часто шутит, не заморачивается дисциплиной, на первый взгляд, совершенно, да и не до того ему – работа, содержание, тема важнее. Всех называет по имени или даже ласкательно. Дети не зажаты, и потому не превращаются в швепс. Зачем им на перемене орать и бегать с вытаращенными глазами? Они и на следующем уроке будут адекватны и настроены на работу.

Это давно было, не знаю, как там сейчас. Надеюсь, все хорошо.

В общем, по-другому может быть только в комплексе. Хотя бы в масштабах отдельно взятой школы. Но и школы такие редкость, потому что очень трудно создать, а еще труднее – выжить. В госструктурах – полная зависимость от начальства, можно положить жизнь, создать свой мир, а потом сменится начальник департамента и вышвырнет в один день, потому что лично ты ему не понравишься. Частную школу создать очень сложно, льгот никаких вообще, а контроля – немерено, причем все больше идиотски-формального.

Родители хотят подготовки к ЕГЭ с первого класса, чтобы при этом дети учились с удовольствием, а еще хотят уютных интерьеров и диетических обедов. Проверки СЭС и пожарных запрещают ковры «на путях следования при эвакуации», детские рисунки на стенах и требуют обжаривать колбасу. Вписаться между этими Сциллой и Харибдой почти невозможно.

Ну, а главное – критерии оценки «хорошего» образования в обществе очень искажены. Например, такой параметр, как желание ребенка учиться, интересует только родителей, да и то «продвинутых». Учитель же может заявить первоклассникам: «Не хотите идти в школу утром? А вы думаете, я хочу? Я тоже не хочу! Но иду же! Есть слово НАДО!» (к сожалению, тоже цитата).

Понимаете, есть такая дисциплина: методы обучения взрослых. Учат тренеров, ведущих семинаров, курсов повышения квалификации и т. д. Я вот тоже в свое время училась, а сейчас учу. Родилась эта дисциплина по одной простой причине: все понимают, что взрослого учиться не заставишь. Нужно сделать так, чтобы он сам захотел. Чтобы ему было интересно, чтобы он видел в этом смысл. Чтобы действительно усваивал, а не «в одно ухо влетело». Все это абсолютно реально. Делается каждый божий день сотнями тысяч людей.

Но для взрослых. А для детей нет, потому что есть иллюзия, что их-то можно заставить, и проще заставить. А если не заставляются – написать в дневник родителям: «Примите меры!».

Но это не более чем иллюзия. Очередной дорогостоящий самообман. Потому что результаты – фиговые. Сколько бы при обсуждении прошлого поста ни звучало гневных вскриков про то, что НУЖНО навыки отрабатывать, и ребенок ДОЛЖЕН – все это слова. Навыки-то ни к черту, если честно. Столько часов на все это повторение, отработку, заучивание правил, все эти «вставь пропущенные буквы», а дети толком не могут ни считать осмысленно, ни писать грамотно. 80 % учеников, в том числе отличники и хорошисты, не способны решить задачу, если не знают «по какой это теме». Через три месяца после того, как написали по этой самой теме контрольную на хорошую оценку. Мой муж, когда брал восьмой класс по физике, всегда тратил первую четверть на то, чтобы просто научить их считать. С нуля. Потому что дети могли только тупо выполнять затверженный алгоритм, не понимая ни состав числа, ни логику вычислений. Да что там говорить, посмотрите хотя бы на результаты ЕГЭ.

Давайте самим себе не врать, не работает все это на практике. Пора отдать себе отчет, что способов заставить с советских времен сильно поуменьшилось. А теперь вот родителям еще каждый день по телеку стали говорить, что ремнем – ни-ни, так что можно будет оставить при себе все эти: «Примите меры!». И что делать будем? Может, пора перестать защищать честь мундира и подумать вместе о том, что можно сделать по-другому?

25 марта 2010 г.

Нешуточный холивар разгорелся, однако, из-за четырех клеточек!

На самом деле, конечно, не в клеточках дело. И даже не только в учете особенностей возраста.

Просто мне все время удивительно, насколько школьная практика (не только школьная, конечно) не соотносится с какими-то очень полезными добытыми «большой» наукой сведениями. Ну, вот представьте себе, что физики, например, открыли наконец удобную в применении сверхпроводимость, а энергетики плевать на это хотели, и продолжают себе по медным проводам ток гнать. Когда им говорят: «Ребята, так ведь вот какая возможность», – а они в ответ: «200 лет так делали, и дальше будем, это классический подход, проверенный временем, по-другому не бывает в принципе, и вообще у нас большой стаж, нам и так работать трудно».

Немыслимо, правда? А в социальных институтах все именно так. Хотя убытки от неэффективной школы стократ превышают убытки от неэффективной системы передачи энергии.

Простой пример: способности. Конечно, нельзя сказать, что с этим все ясно и все хорошо изучено – тема сложная. Но уже известно, например, что одни способности в большей мере определены генетически, и развить их если можно, то лишь в некоторой степени, а другие, наоборот, очень зависят от того, развивают ли их в детстве. Как вы думаете, способности к рисованию и способности к решению задач школьного типа (не творческих, алгоритмических) – какие к какому типу относятся?

Парадокс, но в реальности все не так, как принято думать. Если с ребенком правильно, не занудно заниматься рисованием, 90 % детей будут очень прилично рисовать. А вот способность к решению алгоритмических задач (именно ее измеряют пресловутые тесты интеллекта IQ) во многом врожденная. И она довольно слабо меняется на протяжении жизни и не зависит от того, занимался ребенок много или мало, хорошо или плохо. Нужно, конечно, хотя бы научить эти задачи решать, иначе не узнаешь, есть ли вообще способности, но вот если и при хорошем объяснении это дается тяжело, бесполезно решать в 100 раз больше. Будет чуть лучше, да. Но ненамного.

Напротив, такое качество мышления, как креативность (творчество, изобретательность, способность находить нестандартные ходы) очень даже хорошо развивается, прямо на глазах, если ребенка стимулировать, ставить в ситуации поиска, погружать в интересную, сложную среду.

Что касается третьей составляющей «умности» – познавательной активности, любознательности, способности ставить задачи, то она вообще определяется средой, условиями, воспитанием процентов на 90 %. Если ребенку плохо, страшно, одиноко, если его жизнь слишком скучна, размерена, регламентирована «сверху», или, того хуже, если он живет в ситуации насилия, прессинга, физически страдает (от голода, боли), эти способности замирают и не развиваются, причем иногда их не удастся полностью восстановить даже после прекращения негативного воздействия.

А теперь подумаем, что у нас на практике. Итак, три составляющих «общей умности»: интеллект, креативность, познавательная активность. Измеряются разными методиками, по-разному развиваются, в разной степени определяются соотношением «среда-гены». Что с ними происходит?

Те способности, которые прекрасно поддаются развитию (особенно в возрасте 7—11 лет) – творческие, художественные, музыкальные, – школой практически не востребованы. Их развивают либо особо подорванные родители, либо если уж они так выражены, что слепой не заметит. Развивают все равно по остаточному принципу – если остается время от школы и от уроков. (Напомню, что не всякие занятия в музыкальной или художественной школе развивают способности, все очень зависит от учителя и методики, иногда это просто натаскивание, и ничего больше.) Олимпиады считаются уделом избранных, задачи «на смекалку», застенчиво обозначенные звездочкой в конце параграфа, тоже предлагают только тем, кто «уже все сделал». Развивающие игры на уроке появляются

только для комиссии, а из детской субкультуры они катастрофически быстро исчезают, потому что у детей просто нет времени и возможностей для долгих игр в своей компании.

Те способности, которые довольно мало поддаются развитию, развиваем денно и нощно, через «не хочу» и слезы, удваивая, утраивая количество бесплодных усилий. К сожалению, даже не вполне бесплодных, поскольку их плоды – астенизация (истощение) и стойкая ненависть к самому процессу. Дети, от природы к этому способные, решают с интересом первые два-три задания, а потом по принципу «скорей бы отвязаться» еще десять однотипных, не получая при этом ровно ничего к уже полученному. Дети неспособные мучаются почти в равной степени и над первым, и над десятым.

Особенно жалко детей-дисграфиков, которых заставляют переписывать, «чтобы не было ошибок», и у которых с каждым переписыванием нарастает количество ошибок и масштаб отчаяния. Впрочем, детей с врожденной грамотностью, которым приходится восстанавливать алгоритм «от обратного», то есть мучительно притягивать за уши объяснение, почему они написали так, как написали, тоже жалко.

Кстати, алгоритмически неспособными иногда оказываются как раз талантливые, незаурядно одаренные дети. Уже неудобно лишний раз вспоминать Пушкина и его «два» по математике, но из песни слова не выкинешь. Даже Эйнштейн в прусской начальной школе, построенной на зубрежке и алгоритмическом натаскивании, считался слабым учеником. А уж дисграфики вообще часто бывают весьма способными, и практически без шансов на высшее образование. (Только, пожалуйста, не надо сразу думать, что любой ребенок, у которого не идет математика, интеллектуально неодаренный – или Пушкин. Все-таки чаще всего причина в том, что он не понял суть той или иной темы, что за формой алгоритма не видит его смысла. Тогда ему нужно разобраться, а не решить еще сто задач по образцу, так ничего и не понимая и мучительно пытаюсь угадать, какую цифирку в какое место формулы вставить.)

Наконец, те способности, которые, как нежные цветы, зависят в первую очередь от среды, мы погружаем в среду, мягко говоря, к ним неласковую. Страх неудачи, карающий красный цвет, нередко прямое эмоциональное насилие: крик, оскорбления, угрозы, шантаж, скука, алгоритмы, убивающие интерес, запрет на свободную мысль, свободное высказывание, на сомнение, на самостоятельный поиск. «А теперь, дети, раскрашиваем петуха на 37 странице.

Ваня, какой у петуха должен быть гребешок? Правильно, красный. Все слышали, дети? Берем красный карандаш и закрашиваем аккуратно гребешок». Да если еще и родители на оценках повернуты... Можно проститься с познавательной активностью вообще.

Ну, и? Что бы мы сказали о садовнике, которых ходит сапогами по нарциссам, но неустанно поливает камни?

Что-то меня тянет на цветоводческие ассоциации – то подснежники, то нарциссы... Весна! И каникулы, что отрадно...

На самом деле даже фиг бы с ними, с образованием и с развитием способностей. Меня как семейного психолога больше всего убивает, что это все встает между родителями и детьми. Что в жертву алгоритмическому Молоху приносятся отношения, доверие, близость. Во многих семьях делание уроков и скандалы вокруг них полностью сжирают вечера, а необходимость заставлять подростков делать то, что им ненавистно и тошно, порой полностью сжирает отношения. Приемный ребенок вообще рискует второй раз стать сиротой, потому что в процессе борьбы за «клеточки» привязанность не формируется, не может, да и просто не успевает. Вот что по-настоящему грустно-то.

Образование сделали обязательным и всеобщим, более того, результаты ребенка в процессе получения образования сделали едва ли не главным мерилom родительской состоятельности. А научиться учить детей так, чтобы им было интересно и полезно, забыли. И даже не хотят пробовать.

Образование наше в кризисе, это отрицать невозможно. Показатели наших школьников и студентов на независимых международных тестированиях стабильно плохи год от года. Больше половины обращений отчаявшихся родителей – про школу, про то, как детям и семьям от нее плохо. Имея множество друзей-учителей и проводя регулярно семинары для учителей, могу сказать, что им не лучше. Они чувствуют себя загнанными в угол, и многие собираются из школы уходить. Кризис налицо, надо бы что-то делать. Какие есть варианты?

Вариант первый. Государство осознает, что в будущем его будут кормить люди и их компетенции, а не углеводороды. И начинает заниматься образованием. В разы увеличивается бюджет. Модернизируются педвузы. Учителям платят

высокую зарплату и принимают на работу по конкурсу. Их холят и лелеют, обучают и переобучают, освобождают от лишних бумаг и мелочной опеки, вводят субботный год. Но профнепригодных безжалостно увольняют, никаких: «ей осталось два года до пенсии», – не за счет детей. Хорошие директора школ, которые уже доказали свою способность создавать, растить и развивать сильные педколлективы, ищутся хэджантерами, им делают предложения, от которых невозможно отказаться, а потом сдувают пылинки, а не доводят до инфаркта. Школы превращают в современные прекрасно оборудованные образовательные центры, с бассейнами, стадионами, библиотеками, мастерскими, теплицами, живыми уголками, с игровыми для подвижных детей и местами уединения для детей-интровертов, с современными и чистыми туалетами и душевыми, с уютными школьными кафе, с обилием кружков и секций – словом, со всем возможным, чтобы дети комфортно, полезно и нескучно могли ошиваться в школе хоть с утра до ночи. Для детей с особыми потребностями чтобы было все предусмотрено: для ботанов – спецкурсы по матанализу и раннему Возрождению, для гиперактивных – тьюторы, комнаты разгрузки, для детей с опорно-двигательными нарушениями – лифты и подъемники, и т. д., и т. п. Да, и со школьными автобусами, которые бы забирали у дома и отвозили к дому. Причем таких школ чтобы не пара десятков в столицах, а по всей стране, в любой тьмутаракани, а где автобус не проедет – пусть будут школьные вездеходы. Или пусть будет общежитие для ночевки, если совсем далеко возить.

И тогда через десять лет упорной систематической работы и больших вложений начнет складываться сильная, перспективная система образования для всех. Конечно, будут проблемы, и протесты, и уволят кого-то зря, и наберут сначала не тех, и кучу денег потратят не на то. Это же государственный, социалистический вариант, а значит, будут стандарты, единые требования – со всеми вытекающими минусами. Но в общем и целом будет неплохо: приличный уровень для всех.

Фантастический вариант? Я ж не спорю. Не потому, что нет денег – я вас умоляю. Потому, что такое государство.

ОК, тогда есть другое предложение.

Вариант второй. Государство говорит: слушайте, сейчас не до вас и ваших детей. Отвалите. Нате вам минимум, по 200 тысяч в год на детское рыло, и делайте, что хотите. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих, а я,

государство, руки умываю. Хотите – учите в школах, какие есть, хотите – свои делайте, хотите – дома занимайтесь. Мало школе денег – ну, пусть, как хочет, зарабатывает, если есть чем. Нам от вас ничего не надо, но и вы от нас выше минимума не требуйте. Образовательный ваучер вам в зубы, и сами трепыхайтесь. Праволиберальный такой вариант. Частично имевший место в 1990-е.

Что будет? Будет разное. Где-то директор отдаст первый этаж школы под магаз. Какие-то пьющие родители махнут рукой и не поведут детей в школу вообще. Дети будут наглотать на уроках и пить пиво прямо на первой парте, учителя – массово уходить из государственных школ. Но.

При этом другой директор даст карт-бланш интересным педагогам, подберет команду и к нему будут ломиться люди со всего города, предлагая доплатить напрямую хорошему учителю (а государство умыло руки – ему все равно, хоть сметаной и яйцами приносите). Другие родители объединятся, скинутся и создадут свою небольшую частную школу на дому (а государству все равно, оно с проверкой не придет и всех не разгонит). Причем школа эта будет не особо дорогой – ведь государство с нее налоги не дерет, всяким СЭС и пожарным отстегивать не надо, снимать дорожные помещения «в соответствии со стандартами» тоже. А со временем какие-нибудь олигархи начнут создавать на свои деньги школы для способных детей из бедных семей. А еще со временем – и для не очень способных. Волонтеры будут учить детей мигрантов, а потом получают грант и станут школой. Или диаспора оценит и подарит им здание. А потом у какого-то олигарха родится ребенок с инвалидностью, и он поймет, ради чего всю жизнь работал, и создаст школы или оборудует имеющиеся для особых детей.

Будут школы с большим прибабахом, где будет урок дегустации дорогих вин и конной езды, но не будет физики. А в других будут диффуры в первом классе и 28 языков, а физкультуры не будет вовсе. Будут школы-дворцы для богатых, и школы в полуподвалах, но с домашней атмосферой, – и кого-то они вполне устроят. Словом, будет много разного – ужасные провалы, яркие взлеты, и в конце концов получится разномастная, неровная, но живая и интересная система образования, в которой постепенно будут создаваться школы «с традициями», а проблемы «бедных» школ станут предметом постоянного внимания общественности и благотворителей.

Тоже жить можно. Приличный уровень для всех очень не сразу получится, если вообще получится, и будет множество полуграмотных, но будут и возможности для тех, кто может и хочет учиться. А кому-то на самом деле и не надо больше, чем уметь читать-писать-считать, зачем заставлять?

Фантастический вариант? Конечно. Потому что единственное, что способно делать нынешнее государство – это контролировать. И контроль этот становится с каждым годом и даже месяцем все более вездесущим и всеохватным.

Я не знаю, какой из вариантов лучше, споры между нашими правыми и левыми мне как-то давно стали скучны ввиду своей полной абстрактности. Потому что все последние годы мы имеем развивающийся по нарастающей вариант третий. Он, как вы могли догадаться, представляет из себя синтез первых двух, созданный по принципу «соединим минусы отовсюду». То есть денег не дадим, а контролировать будем – мама не горюй. Сами ничего не будем создавать и развивать, и вы не смейте. Учителям надо работать как велено, отчетов писать с каждым годом на порядок больше, а зарплатой обойдутся этой. На митинг идти велим – пусть идут без вопросов и с энтузиазмом. Субботний год у нас будет в виде российском и суверенном, как демократия: вы, так и быть, можете взять годовой отпуск без сохранения зарплаты раз в десять лет. Вы обойдетесь без библиотекарей, психологов и логопедов, но только попробуйте просто предоставить кабинет и пригласить специалиста, на которого скинутся сами родители, узнаем – уроем. Родителей вообще лучше в школу не пускать, от них одни проблемы. Мы будем централизованно привозить детям на обед дерьмовые полуфабрикаты, но только попробуйте отказаться и пригласить хорошую кухарку МарьИванну, чтобы пекла блинчики и варила супчики, – сядете лет на десять. Да какой там – хомячка в кабинете биологии не смейте заводить! Сядете, сядете, сядете!

Частные школы, кстати, создавать нельзя (практически невозможно) – неизвестно еще, чему вы там научите. У нас стандарты, ЕГЭ и отчетность.

Когда люди в ужасе говорят о разрушительности этого процесса, одни из них скорбят по государственнической модели времен СССР – со своими минусами, но дававшей стабильно приличный средний уровень. Благодаря которому у нас до сих пор все не накрылось медным тазом, потому что пока много крепких достаточно образованных профессионалов в возрасте от 40 до 60, на которых все держится.

Другие горюют по вольнице 1990-х, когда массовая школа деградировала, но при этом на коленке и за копейки создавались прекрасные, живые и яркие школы, которые могли бы со временем развиться в бренды на века и стать образцом для других школ. Благодаря этому периоду у нас все еще есть надежда на будущее, на то, что здесь что-то может создаваться и строиться, на новые идеи и новые отношения. Очень многие из поколения 30—20-летних – все эти независимые наблюдатели, «оккупайцы», создатели волонтерских движений, авторы оригинальных бизнес-идей – выпускники как раз тех свободных и «с прибабахом» школ последнего двадцатилетия. А многие вообще самообразованцы, учились где угодно, но не в школе, и знают столько всего, что только диву даешься.

Сейчас есть еще остатки и того, и другого, выжившие и выстоявшие разными способами. Все идет к тому, что скоро не будет. Останется только «жи-ши» пишем с буквой И.

Честное слово, в этой ситуации вцепляться друг другу в глотку на тему «что именно мы потеряли» и «как бы мы хотели» довольно странно. Мы потеряли – теряем – и то, и другое. И как бы мы хотели, нас не спрашивают – никого из нас. Консенсус. Не о чем спорить.

Про Макаренко, или коллективное воспитание

4 мая 2010 г.

В советские времена Макаренко был для Системы вождь и учитель. Везде висели его портреты, цитаты, копировались какие-то атрибуты типа общего собрания, дежурств, флагов, горнов и пр. А я, надо сказать, в детстве очень любила «Педагогическую поэму», наизусть прямо знала. И когда все это «следование заветам Макаренко» в подшефном детском доме наблюдала, сильно ежилась, ибо это было похоже на недобрый и совсем не дружеский шарж. Тогда, конечно, я не могла все это толком сформулировать, просто осталось как вопрос.

Ну, и сейчас на опыт Макаренко постоянно ссылаются апологеты Системы, мол, вот что такое коллективное воспитание и какие были результаты. Да только чего-то нет сейчас таких результатов. Я даже не про выпускников, хотя и про это тоже, а про сам дух детского учреждения, который у Макаренко был бодрый и радостный, а у нынешних – тоскливо-обреченный.

Первое откровение пришло, когда я стала работать в семейном устройстве и понемногу понимать, что происходит с ребенком, оставшемся без семьи и попавшем в учреждение. Вдруг я подумала: у него-то, у Макаренко, дети были совсем другие. Самые младшие из его воспитанников – «малыши» – это подростки 13–14 лет. Большинству 15–17, кому и все 19. Отсчитываем назад несколько лет беспризорности – три, ну, пять. Это значит, что до 9–14 лет это были обычные дети, жили с мамой и папой, дома. Осиротила их гражданская война, тиф, голод – словом, стихийные бедствия. Отцы не били их спяну и не насиловали, матери от них не отказывались, младенчество в доме ребенка, госпитализм, расстройство привязанностей, энцефалопатия, фетальный алкогольный синдром и прочие «прелести» к ним не имели никакого отношения. Здоровые, нормальные пацаны, только вшивые и матом ругаются. Так и сейчас вам любой воспитатель детского дома скажет – если ребенок попадает к ним после 9–10 лет и в семье ничего ужасного не было, это будет золотой ребенок. Да, ему будет плохо, но потом он сможет найти опору, как-то пережить, перетерпеть, и вырастет вполне жизнеспособным и хорошим человеком.

Идея «сжечь прошлое», так любимая Макаренко, который принципиально не читал личные истории детей и запрещал спрашивать своих воспитанников о прошлом, тоже из другой жизни. Сжечь вместе с завшивленными лохмотьями годы беспризорности, скитаний, одиночества, страха – вполне себе грамотно с психологической точки зрения. Так некоторые дети, попав в семью, сжигают или рвут детдомовские фотографии, и вообще не хотят вспоминать, что они там были. Обратите внимание, нигде у Макаренко не идет речи о том, чтобы «сжечь» воспоминания о семье. Они у детей были и служили внутренним ресурсом, давая силы, а не истощая. У наших сирот воспоминания о семье бывают очень разные. И их не «сожжешь» просто так, не забудешь, это не то, что с тобой «случилось», – это твоя семья, часть самого тебя.

Травму беспризорности можно вылечить красивой, чистой, разумно построенной жизнью. Жизнь, организованная Макаренко, была хорошим противоядием хаосу, грязи, незащитности и безответственности бродяжьей жизни. Неудивительно, что дети в общем и целом с благодарностью принимали

этот шанс «вернуться в колею» и довольно быстро адаптировались.

Излечить семейную травму нельзя никаким коллективом. Если «не читать истории» современных сирот, поведение и состояние ребенка будут просто непостижимы, и работать с ним будет невозможно. Макаренко мог питать иллюзии на этот счет по одной простой причине – детей с семейной травмой, с искаленной привязанностью среди его воспитанников практически не было.

В состоянии острого горя дети к Макаренко тоже не попадали, обычно они теряли семью задолго до помещения в колонию. В книге Фриды Вигдоровой «Черниговки» про ученика Макаренко Семена Калабалина (Карабанова в книжке) очень интересно описано, как в 1930-х годах стали поступать дети, только что оторванные от родителей (раскулачивание, репрессии – конечно, в книге прямо о причинах не говорится). И педагоги, столкнувшись с детьми в состоянии острого горя, были в растерянности, опыт Макаренко им тут ничем помочь не мог, помогала интуиция и обычная бабская жалость. Если судить по книге, интуиции и любви к детям хватало, чтобы тупо не воспроизводить традиции и не заставлять бросать в костер вещи, на которых была маминой рукой сделана штопка «любовно подобранными в цвет нитками». Надеюсь, и в жизни так было, хотя уверенности нет. Нынче сильно немолодой уже Антон Семенович Калабалин, последователь дела отца и названного деда (в книжке маленький Тосик), производит, надо сказать, тяжелое впечатление. С большим пафосом говорит, что он еще не отдал из своего детского дома в семью ни одного ребенка, и не собирается, и что все это семейное устройство – блажь. Сам, между прочим, вырос с мамой и папой, в отдельной квартире, а не в группе. Наверное, от этого у него и сформировалось идеализированное мнение о детском доме как образе жизни. Плохо ли: и теплая мама под боком, и товарищей куча прямо во дворе. Директорский ребенок, да еще малыш, – часто любимец воспитанников.

В принципе, всего этого уже достаточно, чтобы сделать вывод, что идеи и практика Макаренко и нынешняя система сиротских учреждений – две разные планеты от слова «совсем», и вешай – не вешай портреты, ничем нам этот интересный и талантливый педагог не поможет.

Но с этим самым коллективным воспитанием все еще сложнее.

Очень часто его противопоставляют семейному. Типа, или ребенку в семье расти, или в коллективе, и как лучше. И часто сторонники семейного устройства

используют само выражение «коллективное воспитание» как ругательное. А их оппоненты, наоборот, как хвалительное, и страшно гордятся – мол, у нас как у Макаренко, а у него было круто. Давайте наведем резкость.

Другой пламенный человек, Юлиус Фучик, писал в своем «Репортаже с петлей на шее», не поручусь за дословность цитаты, но примерно так: один коммунист – это просто человек. А два коммуниста – это уже коллектив, это сила, сломить которую очень трудно, и пусть гестапо не надеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/lyudmila-petranovskaya/vzroslye-i-deti-mnogobukv>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)